

18.11.2016

Как РПЦ демонтирует церковное наследие русской эмиграции

Российская идеология

*Сергей
Чапнин*

Заграничные епархии и приходы как ячейки «русского мира» должны быть устроены единообразно для удобства оперативного управления. Собор в Лондоне, где недавно побывал патриарх, теперь приведен в соответствие этому стандарту. На других направлениях тоже ведется активная работа, и уже через 10-15 лет демонтаж наследия русской эмиграции в приходах РПЦ будет успешно завершен

Можно ли найти образ, который наиболее полно выражал бы содержание и характер главного события церковной дипломатии последних месяцев – визита патриарха Кирилла в Лондон? Мой ответ на первый взгляд может показаться парадоксальным или даже несерьезным, но, полагаю, только на первый взгляд. Образ, который довольно точно отражает внутренние смыслы визита патриарха Кирилла и даже шире – всей его многогранной деятельности, – это фотография, которую патриарх Кирилл выбрал для подарка Королевскому географическому обществу.

Фотография очень символичная, иконическая. На ней изображены сам патриарх в оранжевом жилете поверх рясы и пингвин. Они стоят на берегу холодного моря, и каждый из них по-своему одинок. С одной стороны, и таким, по всей видимости, было намерение патриарха, фотография призвана стать свидетельством, что он много путешествовал и честно, без дураков заработал свое членство в Королевском географическом обществе. С другой стороны, такой подарок не лишен самолюбования – все-таки трудно себе представить скромного человека (таким, казалось бы, должен быть любой священнослужитель), который дарит другим фотографию самого себя.

И, наконец, еще одна важная деталь – патриарх на этой фотографии изображен не среди людей, а на пустынном берегу океана. Казалось бы, ожидаемый образ предстоятеля самой многочисленной православной церкви – это патриарх среди людей. Допустим, если говорить о связи с путешествиями, то в каком-то удаленном уголке России, но прежде всего со своей паствой, например с православными якутами. Однако для Лондона патриарх выбрал совсем другой образ – пустынный берег, людей нет. Единственный, кто удостоился быть рядом, – это пингвин – милое, но дикое и экзотическое для большинства из нас животное.

Думаю, эта фотография как нельзя лучше отражает самосознание патриарха: он чувствует себя умным, сильным, но очень одиноким в своей миссии. Ему необходимы жесты внимания и признательности, как, например, членство в Королевском географическом обществе. И все эти

жесты воспринимаются не как формальность и не как дар, а как должное. Да, патриарх Кирилл их действительно заслужил.

И в повседневной жизни патриарх окружен не людьми, а чинами и должностями. Не встреча с прихожанами или духовенством, не пастырская составляющая для него главное, а утверждение – или подтверждение – своего высокого статуса в международной иерархии.

Сирийские разногласия

Если говорить о политическом подтексте зарубежных визитов патриарха, то они вполне предсказуемы – это попытка продемонстрировать Кремлю, что Русская православная церковь может сыграть – и уже играет – свою роль во внешней политике Российской Федерации. На это намерение ясно указывает центральный тезис в проповеди патриарха Кирилла после освящения собора в Лондоне. Он прямо заявил, что Русская православная церковь уже давно в центре отношений России с другими мировыми державами: «Через церковь является душа народа, и на самом глубоком уровне церковь представляет свой народ вовне... На духовном и культурном уровне происходит особенно тесное взаимодействие стран и народов, которое не подвержено политической конъюнктуре переживаемого момента».

Впрочем, степень того, насколько православные и англикане «объединены верой», визит патриарха прояснить не смог. Если после встречи с папой Франциском в феврале 2016 года была подписана совместная декларация, а предстоятели церквей дали совместную пресс-конференцию, то в отношениях с церковью Англии ничего подобного не было – ни совместного заявления, ни совместной пресс-конференции.

Значит ли это, что отношения на самом деле прохладные, а встречи носят исключительно формальный характер? Тут важный индикатор – встреча патриарха Кирилла с королевой Елизаветой. С одной стороны, да, это большой успех церковных дипломатов. Но с другой – встреча прошла весьма формально, а главный для Кремля вопрос – ситуацию в Сирии, пусть даже только с точки зрения гуманитарного сотрудничества, обсудить не удалось, хотя Русская церковь на это очень рассчитывала.

Неудобный Блум

Итак, политическая миссия оказалась неудачной, но главные итоги таких поездок следует рассматривать совсем в другом контексте. А именно в контексте стратегических задач патриарха в отношении русского зарубежья: он лично убедился в том, что встраивание русских приходов в Великобританию в «русской мир» завершилось и больше никаких неожиданностей они не преподнесут. Символическим завершением этого сложного процесса стало повторное освящение русского собора в Лондоне, которое патриарх Кирилл совершил 16 октября.

Старейший русский православный приход в Великобритании был открыт еще при Петре I и в этом году отметил свое трехсотлетие, но отдельная епархия возникла только в середине XX века и долгое время оставалась самой сложной и самой неудобной зарубежной епархией Московского патриархата. С 1962 года и вплоть до своей кончины ее возглавлял знаменитый проповедник XX века – митрополит Антоний (Блум, 1914–2003). Воспитанный в Париже, в семье русских эмигрантов, он сохранил преемство с церковными традициями и культурной жизнью дореволюционной России, с одной стороны, и европейской культурой – с другой. Это позволило ему, оставаясь в Московской патриархии, организовать жизнь своей епархии на основе решений самого выдающегося собора Русской церкви – Поместного собора 1917–1918 годов. В СССР эти решения не только не были выполнены, но и к середине прошлого века благополучно забыты. Митрополит Антоний отказался от жесткой иерархической модели церковного управления и пригласил мирян к активному участию в управлении как лондонским собором, так и Сурожской епархией.

Митрополит Антоний критически относился к соглашательской политике Московской патриархии и не скрывал этого. В начале 1970-х он открыто возмущался тем, что патриархия одобрила высылку А.И. Солженицына из СССР. Москва вынуждена была мириться с такой исключительной независимостью, так как рычагов давления на митрополита Антония не было – он не был советским гражданином, а его широкая известность в христианском мире была надежной защитой: удаление митрополита Антония с церковных должностей получило бы мировой резонанс.

Церковная деятельность Антония как епископа вряд ли получила бы высокую оценку нынешних пропагандистов «русского мира». Он четко разделял любовь к России и к русской культуре и

государственный патриотизм. Он не стремился сохранить русскость и русский язык любой ценой, понимая, что уже третье поколение эмигрантов в отрыве от Родины теряет язык, и свободно проповедовал не только по-русски, но и по-английски, и по-французски. Он с пониманием относился к тому, что в 1980-е годы приход лондонского собора стал в значительной степени англоязычным.

Строй богослужения и вся организация приходской жизни в Сурожской епархии были простыми и скромными, без претензий на византийскую. Митрополит Антоний не только учил, что в центре жизни христианина должен быть сам Христос, но и (большая редкость по нынешним временам) показывал это примером своей жизни. Приезжавшие из Москвы церковные иерархи тихонько возмущались и говорили, что так совершать богослужение нельзя и так управлять епархией неправильно. Московская патриархия давно желала это «исправить», но удобного случая долго не представлялось.

После краха Советского Союза ситуация изменилась – за границу хлынули трудовые мигранты, которые вскоре составили довольно значительную часть прихожан. В конце 1990-х, в последние годы жизни митрополита Антония, в Сурожской епархии возник конфликт между старыми прихожанами и выходцами из СССР. Последние желали больше прав, больше церковнославянского языка в богослужении, больше русского языка в приходских мероприятиях, но их требования не встречали особого понимания со стороны ближайшего окружения митрополита Антония. Напора приехавших побаивались, как с ними строить отношения, не понимали.

Резкое обострение конфликта произошло в начале 2002 года, после приезда в Лондон молодого епископа Илариона (Алфеева). Он уже был знаком с епархией, так как учился в Оксфорде и в середине 1990-х служил в английских приходах. Митрополит Антоний рассчитывал, что он-то и будет заниматься духовным окормлением русскоязычной паствы. Однако, по всей видимости, в Москве епископ Иларион получил другие инструкции – начать унификацию церковной жизни в соответствии с представлениями Москвы.

Конфликт перешел в открытую фазу, и митрополит Антоний выступил с обращением, в котором довольно жестко призвал епископа Илариона «открыть для себя сущность Сурожской епархии и сформировать мнение о том, готов или нет он продолжать в духе и в соответствии с теми идеалами, которые мы выработали в течение уже 53 лет. Если он не уверен, а мы не уверены, тогда мы, по общему согласию, расстанемся».

Епископ Иларион критику не признал и вскоре был отозван в Москву, а затем назначен на высокую дипломатическую должность в Брюсселе, которую вполне можно было считать повышением. После избрания в 2007 году его непосредственного начальника, митрополита Кирилла, патриархом Иларион занял его кресло, став председателем Отдела внешних церковных связей. В дни визита в Лондон, уже в сане митрополита, Иларион сопровождал патриарха.

В 2003 году митрополит Антоний после долгой и тяжелой болезни отошел в мир иной. Конфликт разрешить не удалось, и значительная часть старых прихожан и священников ушла из Московской патриархии. При этом церковного раскола не возникло, а группа несогласных перешла в Русский экзархат, подчиняющийся константинопольскому патриарху.

Десять лет назад, когда конфликт до конца еще не угас, тогда еще митрополит Кирилл посетил Лондон по случаю пятидесятилетия освящения собора. Идеи заново освящать собор в связи с визитом высокого гостя тогда не возникло. Митрополит Кирилл просто совершил литургию.

В то время епархией временно управлял архиепископ корсунский Иннокентий (Васильев). Затем епархия перешла в управление епископа (ныне – архиепископа) Елисея (Ганабы). Он честно говорил, что митрополита Антония ему лично знать не довелось, и главный акцент он делал на создании общин для новых переселенцев из бывшего СССР по всей Великобритании и Ирландии. Стиль богослужения постепенно стал точно таким же, как в Москве, в церковное управление вернулась жесткая иерархическая вертикаль, храм наполнился и даже переполнился украинцами, русскими, молдаванами.

Как это назвать? Замещением? Сменой поколений? В любом случае новые прихожане довольны. Они получили именно то, что привыкли получать в церкви по месту своего постоянного жительства. Они не знают и даже не подозревают, что на этом месте была другая церковная жизнь. Новые прихожане рады приезду патриарха и рады дорогому и качественному ремонту в соборе. Они рады, что патриарх высоко оценил труды и самого архиепископа Елисея, и его спонсоров.

Жесткое воссоединение

Но здесь нельзя поставить точку. Визит патриарха Кирилла в Англию имеет важное символическое и стратегическое значение.

Церковные правила говорят о том, что престол, на котором совершается евхаристия, должен быть освящен особым чином. Первый раз в 1976 году престол собора освятил митрополит Антоний. Зачем потребовалось новое освящение? Это связано с тем, что престол во время ремонта заменили на новый – каменный, и 16 октября патриарх Кирилл его освятил. По церковным правилам не может быть иначе. И для архиепископа Елисея это был беспрюирышный повод пригласить патриарха.

Но многие в этом увидели и еще одно – символическое – значение визита. Ремонт и освящение окончательно закрывают, пожалуй, самую важную страницу истории собора на Эннисмор-гарденс, которая связана с митрополитом Антонием и шире – с историей русского православия в эмиграции. Образ самого митрополита теперь отлит в бронзе и помещен на мемориальную доску – это достойное и совершенно безопасное с точки зрения церковных властей место. Жизнь в Сурожской епархии теперь организована точно так же, как в России.

Епархии и приходы как ячейки «русского мира» должны быть устроены единообразно для удобства оперативного управления. Собор в Лондоне соответствует этому стандарту. И новый сурожский епископ пригласил патриарха в этом лично убедиться. Мятежников и несогласных больше не будет.

Освящение собора в Лондоне – это знак того, что демонтаж наследия русской эмиграции в приходах РПЦ в Великобритании успешно завершён. Это наследие оказалось довольно хрупким и малопонятным новым прихожанам, демонтаж не составил большого труда, хотя и занял довольно много времени.

Что на очереди? Это правильная, но не совсем корректная постановка вопроса. Дело в том, что «исправить» ситуацию с церковными разделениями в русской эмиграции патриарх Кирилл пытается уже довольно давно. К началу 1990-х, когда он занял должность председателя Отдела внешних церковных связей, помимо довольно независимой Сурожской епархии, по миру оставались еще три заметных очага русского православия: Православная церковь в Америке (ПЦА), Русская православная церковь за границей (РПЦЗ) и Русский экзархат (РЭ КП) в юрисдикции вселенского патриарха.

Демонтажем эмигрантского наследия, или, как тогда предпочитали говорить, «преодолением разделений», митрополит Кирилл был очень озабочен уже в начале 1990-х. Первой на очереди была ПЦА, так как с ней на то время были, как казалось митрополиту Кириллу, самые близкие и доверительные отношения. Действовал он довольно прямолинейно – в кулуарах одной из экуменических встреч он предложил представителям ПЦА добровольно ликвидировать свою автокефалию и вернуться в подчинение Московской патриархии. Тогда, четверть века назад, он получил вежливый, но довольно твердый отказ, однако впоследствии от своих попыток не бросил.

Спустя десять лет один из ближайших помощников митрополита Кирилла заявил, что автокефалию ПЦА следует признать ошибкой. Вскоре он был вынужден извиниться за эти слова, но тенденция становилась очевидной: митрополит Кирилл не собирался отказываться от своих намерений и был готов ждать, и ждать долго.

Следующий случай представился митрополиту Кириллу в 2008 году, вскоре после избрания нового предстоятеля ПЦА – митрополита Ионы (Паффаузуна). Трудно сказать, что именно пообещали митрополиту Ионе в Московской патриархии, но митрополит Иона вполне открыто стал выступать за отказ от автокефалии. Синод ПЦА его не поддержал, но митрополит Иона все равно продолжал собирать вокруг себя сторонников. В 2012 году это стало одним из важных аргументов для смещения его с поста предстоятеля Православной церкви в Америке. Сегодня позиция ПЦА остается неизменной: для добровольной ликвидации автокефалии причин нет. Другими словами, на этом направлении патриарх Кирилл потерпел полное поражение.

Неудачу потерпела и схожая активность митрополита Кирилла в Европе. Русский экзархат, приходы которого расположены преимущественно во Франции, не прельстился предложениями о самоликвидации, хотя Вселенский патриархат был в какой-то момент не против такого развития событий. РЭ КП находится в канонической юрисдикции, и, казалось бы, методы силового воздействия к нему применить невозможно, успех могут принести только переговоры. Однако все призывы воссоединиться с Московским патриархатом были встречены, мягко говоря, прохладно.

Единственным достижением Московской патриархии следует назвать создание Движения за поместное православие русской традиции в Западной Европе, более известное по своей французской аббревиатуре – l'OLTR. Движение возникло в 2004 году как ответ на обращение патриарха Алексия II с призывом создать в Европе единый митрополичий округ, объединяющий все приходы русской традиции в юрисдикции Московской патриархии. Романтически настроенные русские эмигранты были несколько лет довольно активны – проводили круглые столы, выступали с заявлениями, но никаких реальных результатов это не принесло, и сегодня l'OLTR формально существует, но реальной деятельности не ведет.

В результате были выбраны другие, в том числе и более жесткие формы «воссоединения» – судебные иски против экзархата и отъем храмов в пользу Москвы. Самый известный случай – судебное решение 2010 года о передаче Никольского собора в Ницце в собственность России с последующей передачей Московской патриархии.

Также Московской патриархии во Франции помог случай. В центре Парижа на набережной Бранли был выставлен на продажу участок земли, который по итогам конкурса был выкуплен Управлением делами президента РФ для строительства российского культурного центра и православного храма при нем. В 2016 году строительство комплекса было завершено. Его открытие было приурочено к визиту президента Путина во Францию, и патриарх Кирилл по дороге из Лондона также должен был остановиться в Париже и вместе с президентом открыть культурный центр.

Но визит Путина в Париж сорвался, и патриарх также принял решение в Париж не приезжать. Это очень ярко иллюстрирует тенденцию – храм не имеет самостоятельного значения. На открытие можно послать одного из молодых епископов, а самому даже не появиться, так как без президента России не получится очередного свидетельства о торжестве симфонии государственных и церковных властей. Впрочем, все эти смыслы: и симфонии, и возникшего «духовного превосходства» над Русским экзархатом – в архитектуре нового храма прочитываются без труда.

Осталась Зарубежная церковь, но с ней разобраться будет проще. Процесс ее разрушения уже запущен. В 2003 году Владимир Путин встретился с иерархами Зарубежной церкви и фактически показал, что их воссоединение с Московской патриархией он рассматривает не только как внутрицерковную, но и как политическую задачу, небезразличную для государства. В 2007 году РПЦЗ вошла в состав Московской патриархии, и демонтаж слабеющих традиций русской эмиграции – это вопрос 10–15 лет. После того как уйдет старшее поколение епископата и духовенства, а молодое будет подражать епископам и священникам Московской патриархии, отличить РПЦЗ от МП будет практически невозможно. И тогда встраивание тех зарубежных общин, до которых Московской патриархии удалось дотянуться, в идеологический монолит «русского мира» будет завершено.

Статья написана при поддержке Европейского исследовательского совета

Московский Центр Карнеги

Московский Центр Карнеги
Россия, 125009
Москва, Тверская ул., 16 стр. 1

Тел.: +7 495 935-8904
Факс: +7 495 935-8906
Написать по электронной почте

© 2019 Все права защищены.

Share this selection

- Tweet
- Facebook
- Facebook

-
-